

РОССИЙСКИЙ МУЗЫКАНТ

ГАЗЕТА МОСКОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНСЕРВАТОРИИ
ИМЕНИ П.И.ЧАЙКОВСКОГО

№3 (1259)

март
2008

Выходит
с 1938 года

КШИШТОФ ПЕНДЕРЕЦКИЙ В МОСКВЕ

В конце февраля Москву посетил Кшиштоф Пендерецкий. Признанный еще в 2000 году «Лучшим живущим композитором» (Midem Classic, Канны), величайший музыкант современности в году нынешнем встречает свое 75-летие.

Юбилей К.Пендерецкого будет широко отмечаться во всем мире. Фестивали его музыки пройдут не только на родине, в Варшаве и Кракове, но также в Армении, Венесуэле, Китае, Корее... В это международное движение включилась и Москва.

27 февраля в Рахманиновском зале состоялся юбилейный концерт, организованный Центром современной музыки Московской консерватории совместно с Польским культурным центром, целиком посвященный камерной музыке К.Пендерецкого. В зале присутствовал сам автор, посол Польши с сопровождающими лицами, ректор проф. Т.А.Алиханов, который объявил о присуждении выдающемуся польскому музыканту звания почетного профессора Московской консерватории. Вел концерт проф. В.Г.Тарнопольский.

В преддверии Сезона польской культуры в России этим вечером открывался цикл концертов «Современная польская музыка». Ансамбль «Студия новой музыки» под управлением проф. И.А.Дронова представил отличной публике произведения Пендерецкого разных лет.

В Конфер-зале одновременно была организована выставка «Сады Кшиштофа Пендерецкого». В великолепных художественных фотографиях публика смогла увидеть парк в имени композитора, с прекрасными деревьями и цветами, им самим посаженными.

28 февраля уже в Большом зале в программе заключительного концерта Первого Московского международного виолончельного фестиваля, посвященного памяти М.Л.Ростроповича, под управлением maestro Пендерецкого впервые прозвучал «Concerto grosso» для трех виолончелей с оркестром (2001). Солировали Д.Герингас, Т.Васильева и Б.Андрианов в сопровождении Академического симфонического оркестра Московской филармонии.

Во время репетиции в Большом зале, в паузе, композитор любезно согласился дать интервью.

— *Пан Пендерецкий! Начался Ваш юбилейный год, и Вы в Москве. Вы уже чувствуете приближение праздника?*

— Люди любят праздновать. Для этого хороша любая okazия, и поэтому мы все время что-то празднуем: день рождения, именины, юбилей. 75 лет — не то, чем можно похвастаться, но в общем, когда ты уже публичный человек, об этом знают многие, пишут в газетах... И это хорошо — в такое время больше исполняют твою музыку.

На репетиции в Рахманиновском зале

— *В Москве в эти дни прозвучали малоизвестные нашему слушателю Секстет и «Concerto grosso». Почему именно они?*

— Они возникли примерно в один период. Секстет писался по заказу Венского музыкального общества, прославленного именами Бетховена, Шуберта, Брамса. Я был принят в его члены (вообще-то, надо похвастаться, единственный из живущих композиторов!). По этому случаю и исполнялся Секстет. На виолончели играл Слава Ростропович, он выбрал и других музыкантов (Ю.Башмет — альт, Д.Алексеев — фортепиано, Ю.Рахлин — скрипка, П.Мейер — кларнет, Р.Владкович — валторна). Секстет я считаю одним из самых важных моих произведений, может быть даже самым важным, потому что, как известно, камерную музыку, которая является вообще квинтэссенцией музыки, трудно сочинять, особенно для такого состава. Этот Секстет уже раз двести исполнялся в разных местах, и я рад, что, наконец, он дошел до Москвы.

— *Эта крупная двухчастная композиция объединяется какой-то программой?*

— Я не пишу программную музыку. В первоначальном замысле предполагалось еще несколько частей, но эти две части настолько расширились и за-

полнили собой всю форму, что я уже не захотел продолжать.

— *Вечер Вашей камерной музыки был заявлен как концерт-портрет. Вам понравилось, как Вашу музыку представили москвичам?*

— Очень! Переполненный зал, овации — это редко бывает. Вчера был один из лучших концертов моей камерной музыки, он прошел на исключительно высоком уровне. Я давно уже не слышал свой Секстет в таком хорошем исполнении.

— *А «Concerto grosso»?*

— Мне очень хотелось, чтобы «Concerto grosso», которому уже седьмой год, наконец был исполнен в Москве. Сочинение возникло по заказу токийского симфонического оркестра NHK и стало одним из наиболее часто звучащих моих произведений. Его тоже должен был играть Ростропович, но он сказал, что не может играть с другими виолончелистами. Так в первый раз он отказался исполнить мое произведение. «Concerto grosso» входит в программу около 60 виолончелистов. Мне кажется, что нынешний состав — удачный, важно, кто с кем играет.

— *Вы, видимо, много общались с Мстиславом Ростроповичем?*

— С Ростроповичем нас связывала глубокая дружба. Мы познакомились после его отъезда из России. В Польше тогда тоже был политически очень напряженный период. Когда мы встретились впервые, он уже возглавлял вашингтонский оркестр. Я пошел к нему после концерта в Нью-Йорке, и так как Слава был очень открытым человеком, он расцеловал меня. Потом, в примерке, мы выпили

бутылку водки и, как истинные славяне, сразу стали друзьями, он пригласил меня в Вашингтон на концерт своего оркестра. Позже Ростропович дирижировал моим «Te Deum»; в Вашингтоне, а затем в Штутгарте впервые исполнил «Польский рекевием», созданный по его же заказу. Когда в Вашингтоне торжественно праздновалось 60-летие Ростроповича и съехались многие музыканты со всего мира, я дирижировал своей «Песней херувимов», специально написанной для этого случая. Затем он попросил сочинить произведение для конкурса в Париже — так появилось «Pet Slava» для виолончели соло. Когда я получил предложение написать музыку к столетию Берлинской филармонии, я как раз работал над Вторым виолончельным концертом, посвященным Славе. Мы его сыграли с английским оркестром и записали на диск (Второй виолончельный концерт Пендерецкого был отмечен премией «Грэмми» — Е.Д.).

Мы очень часто встречались в разных концах мира. После очередной такой встречи (это было, пожалуй, в 2004 году) он сказал, что хотел бы завершить свою карьеру моим произведением. Для него уже было написано более 100 концертов, не считая камерной музыки, но он пожелал, чтобы новое сочинение для последнего в его творческой жизни выступления бы-

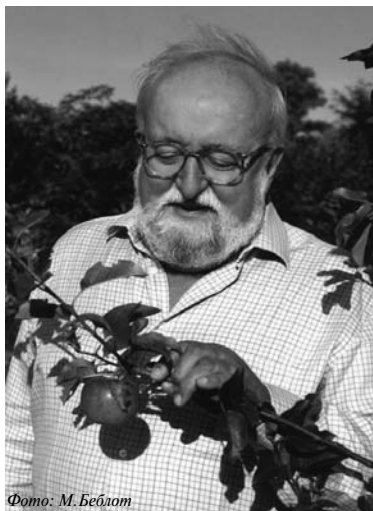

Фото: М.Бейблат

ло моим. Так появилось «Largo», исполненное с Венским оркестром в 2005 году. К

сожалению, оно действительно оказалось последним из исполненного им — тогда мы виделись в последний раз. В этом сочинении много грусти. Я решил дать ему подзаголовок «Прощание», имея в виду прощание Ростроповича не только с виолончелью, но и с миром. После его смерти я расширил произведение, и в этом году буду исполнять его в Омске.

Когда Слава умер (помню, это был четверг), я, к сожалению, не смог приехать на его похороны. В пятницу я был в Загребе на концерте и тогда же пошел в Посольство. Его похороны были в воскресенье, и уже оказалось невозможным получить визу.

— *Концерт в Рахманиновском зале сопровождался выставкой фотографий Вашего сада. Не многие знают, что кроме музыки Вы увлекаетесь садоводством и ботаникой. Вы обладаете одной из самых крупных частных коллекций деревьев — она насчитывает более 1000 видов! Что для Вас значит это увлечение?*

— Я очень рад, когда кого-то интересует этот второй аспект моей природы, не менее важный для меня, чем музыка. Я постоянно этим занимаюсь, и у меня есть практика уже все виды, существующие на земле. Есть растения китайские и японские, из Северной и Южной Америки. Деревья — символ жизни, они корнями уходят в землю, а кронами в небо... Сажать деревья — это для меня такая же страсть, как и музыка. Я посадил лабиринт: лабиринт — символ художника. Надеюсь, что моя музыка останется, как и деревья. О моих деревьях я написал Восьмую симфонию.

— *Возможно, в начале апреля Вы снова приедете в Москву. Вас радует встреча с нашей публикой?*

— У вас теплая, восприимчивая, понимающая публика. Такая публика, которая сосредоточенно слушает, переживает — это видно по лицам, поведению, это чувствуешь даже спиной при дирижировании. Самый большой подарок для художника — иметь слушателей. А в России слушатели есть.

Беседовала
Екатерина Дубравская,
собкор «РМ»

СОВРЕМЕННАЯ МУЗЫКА

ЛАБОРАТОРИЯ

В Московской консерватории по инициативе ректора проф. Т.А.Алиханова открывается цикл творческих встреч и семинаров, посвященных современной музыке. Идея ректора — общими усилиями, прежде всего Центра современной музыки и Композиторского факультета, создать традицию семинаров, целью которых должен стать живой диалог, дискуссия по важнейшим актуальным вопросам современного искусства.

Традиция семинаров по современной музыке, адресованных прежде всего композиторам, сложилась уже давно. Огромная заслуга в их организации принадлежит проф. В.Г.Тарнопольскому, руководителю Центра современной музыки с его «Студией новой музыки». Так, осенью 2007 года их силами был проведен интересный семинар, посвященный П.Булезу, в начале марта прошли лекции и мастер-класс французского композитора А.Госсена, в конце марта они же будут проводить семинар, посвященный творчеству Д.Лигети.

Кроме того, несколько лет назад в МГК был создан Клуб молодых композиторов Московской консерватории. В рамках клуба

проходили встречи с известными композиторами и учеными музыки, среди них Р.Шедрин, Г.Канчели, В.Тарнопольский, Э.Артемьев, Б.Тищенко, Ю.Бущко, А.Вустин, В.Мартынов, Ю.Каспаров, С.Загний, В.Екимовский, И.Барсова и многие другие. На середину марта намечена творческая встреча с норвежским композитором Ф.Д.Бергом.

Однако новая идея Т.А.Алиханова имеет несколько иной контекст. Теперь эти встречи должны быть направлены не только на композиторов и музыковедов, но и на исполнителей. То есть создается некая лаборатория современного музыкального искусства. Базой таких встреч станет обновленный зал имени Н.Я.Мясковского (бывший Белый зал). Здесь уже успешно прошли два мероприятия: концерт-встреча с проф. Р.С.Леденевым и концерт памяти К.Штокхаузена. В ближайшее время мною будут проведены авторские вечера, семинары и мастер-классы, в которые примут участие такие композиторы, как А.Вустин, В.Тарнопольский, Ф.Караев, С.Загний, И.Соколов, Б.Тищенко, Ю.Каспаров и другие.

Кузьма Бодров, аспирант и преподаватель КФ

ЛЕГЕНДА

«Моя жизнь является в высшей степени односторонней: то, что учитывается, — это произведения в качестве партитур, записей, фильмов и книг. Это мой дух, оформленный в музыку, и звуковая Вселенная моментов моей души», — сказал Карлхайнц Штокхаузен 25 сентября ушедшего года. А 5 декабря его не стало.

Из этой жизни ушел крупнейший композитор современности, легенда и миф новейшей музыки, ее беспорочный лидер, источник и средоточие наиболее ценных тенденций в современной музыке — ее сердце и душа. На протяжении вот уже более полувека (с самого начала второй половины XX столетия) своей крайне напряженной, в буквальном смысле сверхчеловеческой, запредельно интенсивной и музыкально-всехватной творческой деятельностью К.Штокхаузен прямо либо косвенно оказывал значительное, во многом решающее влияние на развитие европейского музыкального искусства, а шире — музыкальной культуры послевоенного времени. Многие его открытия оказывались стержневыми, определяющими ее дальнейшее развитие, само ее существование на десятилетия вперед. И в этом смысле можно со всей определенностью утверждать, что появление этого композитора на музыкальной сцене обозначало новую эру в музыке — эру К.Штокхаузена.

В современную эпоху всеобщей десакрализации, катастрофического падения духовности, фактического отрицания интеллектуально-интуитивных импульсов и повального распространения индивидуализма и рассудочности, в эпоху повсеместного господства

количества над качеством, коммерциализации, потребительства и торжества банальности появление такой фигуры как К.Штокхаузен — настоящее музыкальное чудо нашего времени. Он интегрировал в музыкальное искусство едва ли не все, что имеет отношение к звуку, обладая органической цельностью и всеохватностью, уникальной

способностью и интеграции древнейшего, глубоко традиционного, архаического и новейшего, ультрасовременного. Подобно посланнику богов, пришедшему к нам с иных, неизвестных миров, свою основную миссию он видел в том, чтобы, как он сам говорил,

«донести небесную музыку людям, а человеческую музыку вознести к небесным, — с тем, чтобы человек мог слушать БОГА, а БОГ мог слышать Его детей»...

Михаил Просняков
P.S. 4 Марта в Московской консерватории в переполненном зале имени Н.Я.Мясковского состоялся концерт памяти ушедшего композитора под названием «Музыкальная Вселенная К.Штокхаузена» (организатор — М.Просняков). Была подобрана очень интересная программа. Звучали в записи и в живом исполнении (участвовали Т.Алиханов, И.Соколов, М.Просняков) произведения разных творческих периодов композитора: Weltraum (Вселенная); 24 Türen; Tierkreis (Знаки зодиака); 24 Türen; Tierkreis (Знаки зодиака); Klavierstück IX; Klavierstück XIV; Examen (Экзамен); Inopi (Молитва) — Поклонения для солистов-минов с оркестром. Концерт состоял из трех отделений и продолжался более пяти часов — с 16.00 до 21.30!

ГЛУБИНА И БЛАГОРОДСТВО

22 февраля в зале им. Н.Я.Мясковского состоялась встреча с выдающимся современным композитором Р.С.Леденевым, которую организовали Клуб молодых композиторов и Композиторский факультет Московской консерватории. Роман Семенович — народный артист РФ, заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной Премии РФ, лауреат Премии Российского авторского общества (2005), академик, профессор и просто прекрасный человек, о чем я могу с уверенностью сказать, будучи его студентом.

В рамках встречи, которую провела профессор М.И.Катунин, постоянно звучала музыка композитора. Мы услышали в записи пьесу «На фоне русского пейзажа» из цикла «Четыре пьесы в народном духе» для баяна (исп. Ф.Лис), Концертную фантазию для скрипки с оркестром «Что-то неясное...» («Видение») в исполнении Симфонического оркестра Москвы «Русская филармония» (дирижер С.Кондрашев, солист Ч.Ханнанов), «Боже, ослаби, остави...» («Из молитв святого Иоанна Златоуста») для большого смешанного хора в интерпретации Государственного хора Третьяковской галереи под управлением А.Пузакова.

На концерте, где был представлен ряд хороших опусов различных авторов, сочинение «Боже, ослаби, остави...», по мнению слушателей, было признано лучшим (причем публика не знала, кто написал то или иное произведение). По поводу своей концертной фантазии «Видение» автор рассказал, что хотел посвятить ее своему другу, коллеге, в

чем-то оппоненту — Э.Денисову. Но вскоре жизнь Эдисона Васильевича внезапно оборвалась, и это сочинение посвящено его памяти. И действительно, в интонациях таинственной и трагической музыки можно уловить стилистические переключки с творчеством Денисова.

Автор выступил и как пианист, исполнив «Синее озеро» из I тетради цикла «Цветные открытки» для фортепиано («Сорфальский триптих»), а также «В сером тумане» из II тетради цикла «Цветные открытки» для двух фортепиано вместе с Е.Федяниной. Возник вопрос, что думает композитор, написавший цикл с таким названием, о цветном слухе. Роман Семенович признался, что такого слуха он не имеет, но некоторые тональности могут ассоциироваться у него с какими-либо цветами или эмоциями. В двух миниатюрах ощущается строгость и даже суровость северной природы и в то же время ее необыкновенное обаяние. Е.Федянина исполнила также «Ave Maria» для гобоя и камерного оркестра в собственной транскрипции для фортепиано. Эта композиция пронизана теплым и неж-

ным лиризмом. Было также представлено сочинение «Три Ивана» для трех кларнетов и фортепиано (исп. И.Пачев, А.Кондрашин, Г.Журавлев, партия фортепиано М.Мозговенко). Такое интересное название родилось благодаря тому, что всех трех первых исполнителей-кларнетистов звали Иванами. Несмотря на то что партии кларнетов записаны в разных строях, партитура сочинения не содержит ни одного случайного знака (по словам автора, он воспользовался нереализованной идеей С.С.Прокофьева).

Как и многих слушателей, меня привлекает в музыке Романа Семеновича ее необычайная глубина и возвышенность и в то же время хрупкость и доверительность интонаций. Поэтому особенно интересно было узнать о музыкальных вкусах и пристрастиях композитора, услышать подробности его творческой биографии.

Рассказывая о себе, Р.С.Леденев попутно ответил на вопросы собравшихся. В молодые годы он был весьма увлечен творчеством Прокофьева, позже — авангардом, который тогда только начал проникать в страну с железным занавесом и надолго завладел умами музыкантов. Впоследствии Роман Семенович творчески сблизился со Свиридовым, а на сегодняшний день его любимым композитором является П.И.Чайковский.

Я благодарен организаторам этого мероприятия, и в первую очередь, конечно же, самому Р.С.Леденеву, и надеюсь, что в этом зале мы еще не раз встретимся со множеством интересных музыкантов.

Константин Ширяев, студент II курса КФ

МАГИЯ ЗВУКА И ПРОСТРАНСТВА

«Уже не существует тональности, и это наш шанс! Потому что настало время, когда вы можете найти свой стиль, свое выражение...» Эти слова прозвучали на мастер-классе Алена Госсена (Allen Gaussin). Попытка заострить вопросы современного музыкального мышления — это попытка привлечь внимание к музыкальной ситуации сегодняшнего дня.

Имя французского композитора, ученика О.Мессиана — А.Госсена для российской публики не на слуху. Его приезд в Москву состоялся благодаря стараниям Центра современной музыки при поддержке Французского культурного центра. Программа была задумана как цикл встреч: лекция с показом своих сочинений, мастер-класс для молодых композиторов и концерт-портрет силами ансамбля «Студия новой музыки». Три дня непрерывного общения, разговора, взаимодействия культур.

Будучи близок спектральному направлению, А.Госсен в своей музыке в центр внимания ставит энергию звука, равно как и энергию материи, способных преобразовываться, постепенно исчерпывая свои ресурсы. Звук может становиться объемным («Гармония

сфер»), а может конструироваться ансамблевым слиянием, буквально моделируя резонансные свойства («Небесная мозаика»).

Интерес композитора направлен на внутреннее упорядочивание, на соответствие линий и же-

композиционный принцип. Аналогии с цветовыми вариациями помогают «увидеть» звук в новом трехмерном пространстве. Тем и другим проблемам была посвящена вторая встреча А.Госсена — разговор с молодым поколением российских композиторов. Мастер-класс состоялся на примере сочинений: Sonata для баяна соло Н.Попова, Lacrimosa для фортепиано, четырех флейт и ударных В.Затулы, Adagio molto Г.Дорохова, Концерт для струнных Д.Власова и Fluttuazioni (Эквilibр) для струнного квартета автора этих строк. Целью этого знакомства было не столько объяснить, как сделать лучше, сколько искать ответ на поставленные вопросы: как, не отрицая опыт заимствования идей других композиторов, перевести эти идеи на свой язык?.. Где установить грань между декоративностью и аскетичностью?.. Как сохранить чуждость в восприятии нового?.. Как найти механизм причины и следствия, побуждающий к переходу от одного элемента к другому?..

Чтобы ответить на эти вопросы, Госсен предлагает для начала спросить у себя: а что могу привнести в искусство я...
Ольга Бочихина, аспирантка КФ

СОБЫТИЕ

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Профессор Ю.А. БАШМЕТ

и возглавляемый им ансамбль «Солисты Москвы» стали лауреатами премии Американской академии звукозаписи

«ГРЭММИ» – 2008

в номинации

«лучшее исполнение малым ансамблем»

в категории «Классика» за записи произведений:

И.Стравинский. Музыка балета

«Аполлон Мусaget» (версия 1947 г.)

И.Стравинский. Концерт in D

С.Прокофьев. «Мимолетности»

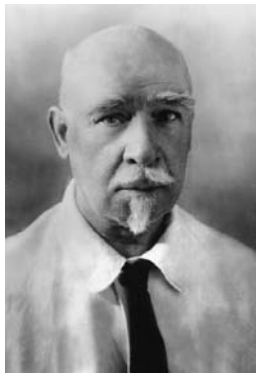
(в переложении для струнных)

ДИРИЖЕРСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

СЛУЖЕНИЕ ДОЛГУ

28 декабря, в канун грядущих праздников, состоялся очередной концерт Хора студентов Московской консерватории (руководитель – профессор С.С.Калинин). Вечер был посвящен 130-летию со дня рождения первого руководителя консерваторского хора в 1920-е годы, одного из основателей хорового образования в консерватории – П.Г.Чеснокова.

«Павел Григорьевич сейчас чрезвычайно востребованный, распетый композитор, – сказал С.С.Калинин во вступительном слове. – Он был необыкновенно добрый человек, но в то же время очень принципиальный. Никогда не подвергал пересмотру свои дружеские отношения, даже если это были легендарные споры по ряду хороведческих вопросов, например с Н.М.Данилиным. Тот уровень высочайшей нравственности, который был заложен в образовании Синодального училища, является примером для всех нас. Примером служения обществу – не за славу, не за чины и за награды, а за рвание и успехи своего хорового дела. В стремлении отдать то, что воспринял сам, – отдать обществу, людям, ученикам.»

Рахманиновский зал был переполнен. Публика, валившая валом на праздник хорового искусства, сидела на подоконниках, стояла между рядами и в дверных проемах. Программа оказалась очень сложной и насыщенной. В интерпретации дирижеров-хормейстеров, выпускников факультета, прозвучала духовная и светская музыка второй половины XIX – начала XX века: Ц.Кюи (О.Парфенова, кл. проф.

В.В.Контарева), П.Чеснокова (Л.Аджамоглян, кл. проф. С.М.Лыкова; Д.Пекарев, кл. проф. В.В.Горюнова), М.Тайчевича (Т.Федяева, кл. проф. Б.И.Куликов), а также сложнейшие партитуры середины и конца прошлого столетия – Г.Свиридова (И.Лопаткин, кл. проф. С.С.Калинина), Н.Сидельникова (И.Мячин, кл. доц. А.М.Рудневского), А.Шнитке (О.Романенко, кл. проф. В.В.Горюнова; Ф.Чижевский, кл. проф. С.С.Калинина; Е.Выборова, кл. проф. Б.Г.Тевлина) и наших современников – А.Ларина (И.Демидова, кл. доц. В.А.Калинина), Е.Подгайца (А.Гамаюнова, кл. проф. Л.З.Конторовича), Ю.Евграфова (А.Аджигитова, кл. проф. Л.З.Конторовича), Ю.Потеенко (А.Анищенко, кл. проф. С.М.Лыкова), А.Кравцова (М.Кравцова, кл. проф. С.С.Калинина), В.Калистратова (Е.Бондаренко, кл. проф. С.М.Лыкова). Студенты продемонстрировали не только хорошее знание техники и стилистики исполняемых сочинений, но и свободное владение дирижерскими навыками, раскрыв в музыке свою индивидуальность.

О специфике хорового образования и секретах профессии дирижера-хормейстера рассказывает заслуженный деятель искусств России, заслуженный артист РСФСР, декан дирижерского факультета, заведующий кафедрой хорового дирижирования профессор С.С.Калинин.

– Станислав Семенович, 22 октября концерт Хора Московской консерватории был посвящен 150-летию со дня рождения В.С.Орлова, а сегодняшний вечер – 130-летию юбилею П.Г.Чеснокова. Наверное, это не случайное совпадение?

– Эта старая, добрая традиция. Мы все обязаны своим существованием великим русским хоровым деятелям, таким как А.Д.Кастальский, Н.М.Данилин, П.Г.Чесноков, А.В.Никольский, А.В.Александров, которые работали в Синодальном училище и стояли у истоков дирижерско-хорового образования. В лихолетье, когда Синодальное училище и училище были упразднены, они сумели сохранить замечательные традиции, перенесли их уже в стены Московской консерватории. Но если в Синодальном училище и хоре превалировало духовно-

церковное направление (хор обслуживал важные православные службы в Успенском соборе Кремля, а училище готовило прежде всего регентов), то в консерватории образование получило более светский характер. Кафедра хорового дирижирования в нынешнем ее виде тогда еще не существовала. Она была при разных факультетах и выпускала не дирижеров-хормейстеров, а инструкторов хорового пения. Но самые главные основы были заложены уже тогда. Поэтому мы всегда с глубочайшей благодарностью относимся к праотцам отечественного хорового искусства, которые дали путевку в жизнь многим выдающимся музыкантам последующего времени.

Наступивший год богат на памятные даты. Здесь и юбилей Н.М.Данилина, юбилей С.В.Рахманинова, А.В.Александрова, В.П.Мухина. 28 декабря мы отметим 100-летие со дня рождения В.Г.Соколова. Обычно к этой дате наша кафедра приурочивает итог работы за семестр. В этом году мы хотим посвятить В.Г.Соколову целый фестиваль. Я благодарен и Владиславу Геннадьевичу, и Судьбе за то, что 4 года работал в его знаменитом детском хоре. Это была великая школа! В.Г.Соколов чрезвычайно любил детское хоровое воспитание, поэтому в одном из концер-

тов выступал детские хоры. Пройдут также концерты, руководимые его учениками, среди которых известные хоровые деятели России. И, наконец, 28 декабря состоится торжественное закрытие фестиваля. В заключительном концерте, где мы снова хотим продемонстрировать уровень подготовки наших студентов-дипломников, выступит Хор Московской консерватории.

– Что изменилось на кафедре хорового дирижирования со времен П.Г.Чеснокова? Повысился ли уровень дирижерского мастерства?

– Конечно, руководя хором Московской консерватории, П.Г.Чесноков своим авторитетом и знаниями, мудростью и опытом создавал определенную хормейстерскую школу. Он работал не так уж долго (с 1923 по 1925 гг. и в начале 1930-х), но сумел сформировать важнейшие профессиональные направления. Они всегда развивались – менялись учебные планы, часы работы хорового класса, который, кстати, всегда является основой воспитания хормейстера. Раньше наши студенты проходили практику только с IV курса – это было очень мало! Теперь, благодаря созданию курсовых коллективов, «выход» на хор получили все учащиеся, начиная с I курса. Это очень продуктивно и дает хорошие результаты.

– ...о чем свидетельствовал последний концерт, уровень которого был очень высок. Как педагогам кафедры удается достигать подобных результатов?

– В свое время мы четко установили направления работы каждого курса. I курс – это западноевропейская романтика, прежде всего немецкая, а также французская, славянская, английская музыка XIX века. Программа II курса основана на изучении русской хоровой классики, преимущественно миниатюр светского и духовного содержания, а также классических обра-

ния. К этому времени работа идет уже с большим хором, объединяющим IV и V курсы. Естественно, что к выпускному году студенты приходят с хорошими навыками и, надо сказать, довольно-таки убедительно демонстрируют это в концертах.

– Сочинения, исполненные в концерте, были подобраны очень удачно: они соответствовали внутреннему миру молодых хормейстеров. Как происходит выбор дипломного произведения? Принимают ли в этом участие сами студенты?

– Безусловно. Это совместная работа. Вся программа – и отбор сочинений, и предварительный показ – обсуждается в классах с педагогом и с руководителем хорового класса. Многие годы кафедра определяет направление дипломных работ. Последнее время у нас был приоритет русской хоровой музыки – отечественных хоровых произведений а'аррелла. Для сочинений с сопровождением мы даем студентам свободный выбор. При этом, безусловно, учитываются пожелания студентов, их вкусовые пристрастия. Но, вместе с тем, нужен мудрый совет кафедры и руководителя.

– Концерты факультетского хора всегда проходят при полном аншлаге. Можно ли говорить о том, что интерес к хоровому искусству возрождается?

– Сейчас необыкновенно ощущается жажда вслушивания в хоровую звучность. Хоровое искусство востребовано везде. В любом другом городе, несмотря на большие трудности, есть хорошие хоры, много детских коллективов. Если раньше государство уделяло внимание развитию самодеятельности, любительского хорового движения, то сейчас это – забота энтузиастов, людей, имеющих настоящее призвание к подобной деятельности. А она очень сложна!

Так, в апреле наш хор отправляется с просветительской миссией в Кострому. Мы не только даем концерт, но и устраиваем творческую встречу с хормейстерами, руководителями хоров, детских коллективов всей области. Ведь хоровое искусство – это еще и общественное дело! Потому что хоровое образование – самое демократичное: не нужны ни инструменты, ни какие-то изысканные аудитории. Нужно только желание людей и опыт руководителя. Умение заечь, найти, воспитать, отшлифовать таланты и дать путевку в жизнь. В этом наша судьба, наше предназначение.

Материал подготовила Мария Макарова

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

«СПАСИБО ВАМ, ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ!»

Я уже не раз писал о Фортунатовых. Писал к его юбилеям — в ту же нашу консерваторскую газету — еще при его жизни. Писал после смерти — в сборнике, собранном усилиями Елены Гординой. Можно ли что добавить к этому? Да, можно.

Прошедшие десять лет после смерти учителя — огромный срок, позволяющий отвести мелочи и сформулировать главное: это был Великий человек и Великий педагог. Несомненно, самая запоминающаяся и колоритнейшая фигура консерватории, начиная с 60-х годов, какой я ее запомнил.

Сократ — вот наиболее близкий и точный исторический прототип этого человека. Он не оставил ни одного капитального труда, сохранилось лишь его замечательное предисловие к книге С.Н.Василенко «Инструментовка для симфонического оркестра». Но он создал Школу Фортунатовых, обучив половину консерватории, да и то только потому «половину» (то есть весь теоретико-композиторский факультет), что другая «половина» оркестровку не проходила.

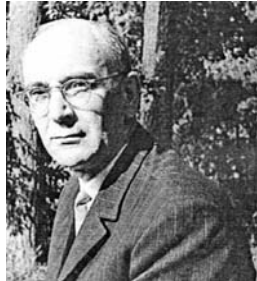
Услышать мнение Фортунатова, получить его оценку новой своей партитуры, предстать перед своей смертью, считали необходимым абсолютно и поголовно все композиторы, которых я знал. И это его мнение не всегда совпадало с мнением кафедры композиции...

Русский интеллигент в нескольких поколениях — он был, несомненно, истинным патриотом отечества, государственным и по наследственной памяти этой самой интеллектуальной элиты, говоря словами Лермонтова, «любил Россию, но странно любил». Возможно, думаю, он бы сейчас с удовольствием и свойственной ему ироничной улыбкой присоединился бы к шутилкам, но глубокому по смыслу афоризму, прочитанному мной когда-то в той же нашей консерваторской

газете: «Да здравствует партия фортепиано!»...

Профессор Ю.М.Бущко

Мое общение с Ю.А.Фортунатовым началось со II курса консерватории (1972) и длилось до последнего дня его жизни (я видел Юрия Александровича за два дня

до его смерти, 8 февраля). В класс к нему меня привел Ю.М.Бущко, который сказал, что я, будучи студентом консерватории и начинающим композитором, не имею права не оказаться в классе Юрия Александровича. Со временем из взаимоотношений профессора и студента наше общение стало более тесным и даже, посмею сказать, дружеским. Обучаясь в аспирантуре, я заживал в класс к Юрию Александровичу домой (естественно, со своими произведениями), а он, в свою очередь, ко мне. Я его просто обожаю, и он, как мне кажется, любил меня очень нежно.

Вспоминаю такую историю. Закончив клавир третьей симфонии, я приступил к ее оркестровке. Там был большой состав (четверной), и какие-то такты у меня не сошлись. Не зная, как из них выпутаться, я в отчаянии обратился к Юрию Александровичу за помощью. Он сел. Ноты лежали перед ним на столе, он смотрел на них в благоговейной тишине, поменяв себе что-то карандашиком. Потом

сказал: «Будет так! Эти будут играть — валторны — то...» И немилосливо сложил ребус был разгадан в течение 10-12 минут! А вот ссылка была очень интересная. В той же самой третьей симфонии, в конце, есть аккорды меди, которые звучат в очень высоком регистре, а потом «падают» на полторы октавы вниз. Юрий Александрович достал с полки Пятого симфонии Прокофьева. Там в медленной части тоже есть такое место: резкая, пронзительная мель «падет», и тот же самый аккорд играет затем в малой октаве — словом, сваливается с небес в подземелье.

В период работы над оперой по «Первой любви» Тургенева я принес Юрию Александровичу написанные фрагменты. Он почти ничего не правил, но любил повторять: «Должна быть фраза. Даже если это какой-то контрапункт маленький, вытщенный из гармонии, постарайся, чтобы был мотив». Он научил меня тому, что музыка изначально состоит из мотивов и фраз. И вот когда ты в партитуре воплощаешь на уровне самого маленького — даже из двух нот! — мотива. Можно сказать, научил меня рисунку. Ну и, конечно, показал, как раскрывать оркестровую драматургию, как собирать группы — то есть действовать стратегически, как военачальник. Обязательно кто-то должен быть в засаде: если ты всю армию выдвинешь — ее побьют, а кто будет отбиваться?

В состоянии эмоционального волнения Юрий Александрович любил поддаться фейерверку. А его ничего не стоило чем-то «зацепить». Он говорил «хм!» — и сразу начиналось светопреобразование. Из него вылетал салют за салютом! Юрий Александрович очень любил находить точные слова, когда характеризовал тембры. Он «привязывал» это к характеру ситуации, к характеру персонажа. Помню его чудесные замечания: «Кыс!» — так он обращался ко

многим. — Никогда не пиши секунды флейт, они будут царапаться! Блестяще! А сказано все одним словом! И я повторю то же своим студентам...

Одна из наших последних встреч состоялась на Рождество, за месяц до его кончины. Несмотря на возраст и тяжелую болезнь, передо мной был прежний Юрий Александрович. Он как-то чрезмерно ласково усидел меня за стол, пошел на кухню, достал там какую-то вкусную рыбу, еду, коньяк, все порезал, принес, поставил. Мы очень тепло сидели, общались, и тут я вдруг осмелел и говорю: «Юрий Александрович, вот Вы знаете, я преподаю инструментовку, и периодически мне нужно обновлять задания для студентов. Вы не могли бы мне рассказать, как Вы делаете си-минорный Музыкальный момент Рахманинова? Достаю ноты, карандаш, он говорит «Кыс!» и начинает что-то рисовать левой рукой, уже дрожжащим старческим почерком. Эти ноты я свято храню... Чудесный рождественский вечер мы так и закончили. Рахманинова он безумно любил — даже при упоминании «Колоколов» на его глаза наворачивались слезы...

Профессор А.И.Головин

Материал подготовила А.Новосёлова, студентка IV курса

Прошло десять лет с того дня, как нет с нами одного из величайших и одного из любимейших наших профессоров — Юрия Александровича Фортунатова. В стенах Московской консерватории он прожил большую и счастливую часть своей жизни. Почти полвека его класс по инструментовке наполнялся жаждущими знаний студентами, пытающимися постичь секреты столь непростого искусства оркестровки. От Юрия Александровича исходили потоки бескорыстной любви к искусству, которыми он наполнял окружающих. Он олицетворял самоотверженную любовь к музыке, заражая ей своих учеников, которые до сих пор с нежностью вспоминают сво-

его учителя — занятия с ним в его классе, долгие захватывающие беседы, отнюдь не ограничивающиеся музыкальными темами.

Юрий Александрович был выдающимся лектором. Его занятия по истории оркестровых стилей посещали не по студенческой обязанности, а из интереса к предмету и в не малой степени из-за завораживающего обаяния Мастера. 38 класс всегда был до отказа набит слушателями с разных курсов и факультетов. В рассказах профессора раскрывались сама душа и глубокий внутренний смысл музыкального произведения, постигались сокровенные тайны художественного творчества. В этом классе многие впервые соприкасались с невидимыми, на первый взгляд, тонкостями стиля и колорита в оркестре. Юрий Александрович великолепно играл на фортепиано и сопровождал свои лекции исполнением отрывков из партитур. Под его пальцами рождались инструментальные краски оркестра, вы начинали слышать то ление валторны, то звучание гоуба, то удары литавр.

Фортунатов тонко чувствовал оркестр и мог донести до ученика основы композиторского мастерства. Многие молодые композиторы прошли под его руководством творческие семинары в Иваново, когда-то организуемые Союзом Композиторов России. Среди его учеников есть и известные ныне композиторы, такие как В.Тормис, Н.Корндорф, Ю.Бущко, А.Головин, Г.Сальников, С.Цинцадзе. В классе Юрия Александровича занимались многие, сегодня уже забытые, профессора Московской консерватории. «Учитель учителей» — так чрезвычайно метко назвала Фортунатова его бывшая ученица, а ныне профессор И.В.Коженова. Юрий Александрович искренне любил своих студентов, и они платили ему тем же. Хочется присоединиться к словам И.А.Барсовой, произнесенным в ее воспоминаниях о Фортунатов: «Спасибо Вам, Юрий Александрович!»

И.В.Вискова

В ЧЕРЕДЕ СОБЫТИЙ

ИГРАТЬ И СРАЖАТЬСЯ

Густаво Дудамель, Габриэла Монтеро, Алексис Карденас. Эти молодые музыканты стремительно ворвались несколько лет назад на международный музыкальный Олимп, дав повод специалистам говорить о рождении в Венесуэле нового поколения классических исполнителей. Венесуэльский музыкальный авангард сегодня — это воспитанники уникальной системы массового музыкального воспитания и социальной адаптации детей посредством искусства, созданной в середине 1970-х годов по инициативе педагога, музыканта, экономиста и общественно-политического деятеля Хосе Антонио Абреу.

Ключевая задача системы Абреу — воспитание *homo cantans*, человека общественного. «Будут ли наши ученики в дальнейшем музыкантами, мы не знаем, но что они станут лучшими гражданами, — в этом сомнений нет», — говорит представитель системы. Идеальная среда для формирования общественной идеологии — коллектив. Поэтому история массового музыкального образования в Венесуэле — это история становления и развития детских и юношеских музыкальных коллективов: симфонических оркестров и хоров. При этом дети с первого же урока, не овладев еще в совершен-

стве нотной грамотой, начинают музицировать в оркестре или хоре.

Трудно представить сейчас, что еще 30 лет назад в Венесуэле было всего 2 симфонических оркестра, в которых играли в основном европейские музыканты. Что же теперь? Страна переживает настоящий музыкальный бум. По данным на 2007 год, государство

В.Родригес с молодежью консерватории

субсидировало работу 90 музыкальных школ, 125 юношеских оркестров, 57 детских оркестров и 30 профессиональных коллективов. В общей сложности за 32 года своего существования школы дали общее музыкальное образование более чем 5 миллионам венесуэльцев. Только в настоящий момент музыке обучаются около 250 000 детей, причем 90 процентов из них

происходят из малообеспеченных семей. Совершенно ясно, что подобная массовость дает возможность найти и воспитать по-настоящему большое дарование.

Об этом и о многом другом шла речь на встрече профессоров, преподавателей и студентов Московской консерватории с директором Латиноамериканского культурного центра имени Симона Боливар в Москве Габриэлой Монтильей Рус.

Конференц-зал с трудом вместил всех желающих присутствовать на демонстрации умелого таланта в системе детских и юношеских оркестров Венесуэлы под названием «Играть и сражаться» (таков девиз воспитанников системы Абреу: созидай и стой на страже своих идеалов). А спустя несколько дней в консерватории побывали основатели Симфонического оркестра имени Симона Боливар в Каракасе профессор Валдемар Родригес (кларнет) и профессор Вильям Молина (виолончель). Музыканты

подчеркнули, что секрет успеха венесуэльской образовательной системы — во внимании государства к воспитанию подрастающего поколения. Именно государственное финансирование позволяет не только приглашать в Венесуэлу ведущих музыкантов мира для работы с оркестрами (Клаудио Аббадо, сэра Саймона Рэтла, Пласидо Доминго), но и поддерживать материально-техническую базу оркестров в надлежащем состоянии.

«Венесуэла — молодая страна, — говорит профессор Вильям Молина. — У нас нет такой традиции в области академической музыки, как в России. Поэтому наша задача сейчас — взять в других странах все самое лучшее. Мы постоянно учимся. И я горд тем, что среди моих учителей — два крупнейших русских музыканта: Мстислав Ростропович, у которого я учился в Париже, и Наталья Гутман, к которой я приезжал на мастер-классы в Москву».

«В Венесуэле сейчас решается будущее классической музыки», — утверждает сэра Саймон Рэтл. Венесуэльский опыт музыкального образования заслуживает самого серьезного изучения.

Елена Доленко

СТАНДАРТ

11 марта в МГК состоялась заседание Учебно-методического объединения при участии представителей музыкальных вузов Москвы. Центральным был вопрос о непримлемости двухуровневой системы обучения музыковедов. После обмена мнениями приняли решение ходатайствовать о сохранении пятилетнего плана. 13 марта этот вопрос обсуждался на заседании Всероссийского учебно-методического объединения, где сопредседатели Т.А.Алеханов и А.З.Бондуриянский и представитель историко-теоретического факультета МГК Т.С.Кюргян отстаивали данную точку зрения. В ее поддержку было зачитано письмо Министерства культуры и массовых коммуникаций А.С.Соколова. Представители Санкт-Петербургской, Казанской, Нижегородской, Новосибирской консерваторий и др. присоединились к этой позиции. Постановили, что после оформления достигнутой договоренности Московская консерватория приступит (при поддержке других вузов) к разработке Государственных стандартов «третьего поколения» для обучения музыковедов.

Профессор Т.С.Кюргян

Главный редактор:
профессор Т.А.Курешева
Ответственный редактор:
М.В.Макарова-Щелаславская
Оригинал-макет:
М.В.Перевезева
Сдано в печать 14.03.2008

125009, Москва, ул. Б.Никитская, 13
e-mail: newpapers@moscons.ru
Газеты МГК в Интернете:
http://www.moscons.ru
ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ
ССЫЛКА ОБЯЗАТЕЛЬНА